

ЖУРНАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

Москва

4

2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Алексей ВАРЛАМОВ. Булгаков. Роман-биография 3
Михаил ПОПОВ. Москаль. Роман (окончание) 80

ПОЭЗИЯ

- Леонид БОРОДИН. Манифестом распятых имен 70

ПУБЛИЦИСТИКА

- Елена ПОНОМАРЕВА. По ком звонит колокол 165
Александр МИХАЙЛОВСКИЙ. Антиглобализм справа 177
Вадим КАРГАЛОВ. «Права человека» в России XVII века 187

КУЛЬТУРА

- Наталья ЯШИНА. «Читаю Льва Толстого, перечитываю» 192
Александр СУВОРОВ. Время волхвов 203

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ИМ. П. В. ВАСИЛЬЕВА

НАТАЛИЯ ЯШИНА

«ЧИТАЮ ЛЬВА ТОЛСТОГО, ПЕРЕЧИТЫВАЮ»

К 95-летию со дня рождения
Александра Яшина

Наталья Александровна Попова-Яшина в 1970 году окончила Московский архитектурный институт, работала в реставрационной мастерской. Является одним из авторов коллективного многотомного труда «Памятники архитектуры Москвы».

Издала книгу «Воспоминания об отце». В периодической печати России вышло множество публикаций, касающихся в основном творчества отца — поэта, прозаика Александра Яшина. С 1976 года является членом Московского профкома литераторов.

В 2003 году награждена Союзом писателей России премией им. Эдуарда Володина за «подготовку и издание книги великого русского поэта XX века Александра Яшина «Слуга народа»».

КУЛЬТУРА

Моего отца, писателя Александра Яшина, всегда удивляла несоразмерность огромной мемориальной доски с барельефным портретом Толстого и небольшого домика, на котором она прикреплена. Надпись гласит: «В этом доме в 1857 году жил Лев Николаевич Толстой». Это недалеко от нас, на Пятницкой. И нам казалось, что Лев Николаевич должен был пригнувшись входить в этот дом. На самом деле домик как домик. Просто велик был сам Лев Толстой как писатель. В дневнике у Яшина читаем набросок стихотворения: «20 декабря, 1961 год. Дом на Пятницкой, где жил Толстой. Как он умещался в доме этом — непонятно, даже удивительно. В низком, неприметном, с керосиновым, должно быть, светом. В нем от славы, от величия — ничего решительно. Крыша плоская, чердак разверстый, разве только стены очень толсты. Разве только стены — как у крепости. Молодой, но все же Лев Толстой. Эпоха».

Много о Льве Толстом говорили, говорят и будут говорить и писать. Особенно об отлучении его от Церкви. Как только разрешили у нас открыто исповедовать Православие, так сразу вспомнили о Толстом. И посыпались в него не докинутые во время советской власти камни и камешки. Но недавно я слушала по «Радонежу» рассказ одного священника о протоиерее Николае Гурьянове с острова Залит, как один паломник говорил отцу Николаю о Льве Толстом. Отец Николай в это время очищал медный таз. Паломник наступал: «Толстой — еретик, отступил от Бога, отлучен от Церкви, Толстого не принимали ни св. Феофан Затворник, ни св. Иоанн Кронштадтский». На все такие слова отец Николай кивал головой, продолжая чистить таз, а в конце сказал: «Да-а, а все-таки его “Детство”, “Отрочество”, “Юность” — прекрасные произведения!»

Яшин не мог жить без чтения книг. Толстой был для него не просто писатель, а недосягаемый идеал в писательском деле. Читал он его и в мирное время, и в годы войны,

и в юности, и в последние годы жизни. И другим советовал читать, учиться, как надо писать. Так, в одном из писем Николай Рубцов пишет: «Читаю самого Льва Толстого. Между прочим, об этом — что читать надо — сказал мне А.Я. Яшин однажды. <...> В самом деле, оказывается, удивительно хорошо и полезно, уединившись в какой-нибудь глухой избе, читать целыми днями прекрасные книжки». Об этом же он пишет и Александру Яковлевичу 3 октября 1964 года: «Пишу я опять из селенья Никольского, где пропадал целое лето. Мне здесь крепко поднадоело, но есть и правда большое удовольствие: уединившись в тихой избе, читать прекрасные книжки Льва Толстого — я внял, как видите, Вашему совету и занимаюсь чтением».

А вот запись в дневнике А.Яшина: «8 апреля 1966 года. Утром на Бобришный Угор* без лыж. Насту нет. И не подмерзает. Тихо, хорошо. Слышал крики канюков — “пить, пить!” Прилетели! Сойка кричит. А рябчик не отзывается. Перечитал повесть Ромена Роллана “Пьер и Люс” — влюбленные во время бомбежек и обстрела Парижа в Первую мировую войну. **Насколько же точнее и значительнее пишет Лев Толстой**».

Яшин сверяет свои представления о «войне и мире» с поведением героев Толстого. Вот запись о начале Великой Отечественной войны:

«22 июня 1941 года. Москва. День нападения Германии на Советский Союз. Буду записывать себя как можно откровеннее — пригодится после для работы. <...> Надо подготовиться ко всему. **Я все еще нахожусь под обаянием “Войны и мира” Толстого. Николай и Петя Ростовы и Пьер Безухов — образцы для меня. Я их вижу как живых.**

Решил быть на войне, все видеть, во всем участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыд-

но. Надо быть впереди, быть везде, чтобы после, если останусь жив, не было стыдно и жалко, что в такое время я что-либо упустил...»

Имя Толстого встречается в дневниках не просто много раз, а на протяжении всей жизни, всех дневников. В 1961 году Яшин записывает: «Попробуйте передать на бумаге крик чибиса. Кто слышал — поймет. Так и с войной». Война стала переживанием, не отходившим от него ни на минуту, воспоминанием, ставшим фоном всей последующей жизни. Голос войны сопровождает его до конца дней. Лето 1960 года он прожил на Сладком острове в Белозерье, о котором говорит в стихотворении: «Вот и я побывал в раю — / Оказалось легко и просто: / В Белозерском лесном краю / Обнаружился Сладкий остров. <...> Многослойная тишина, / Разнотравье и разноцветье... / Да была ль на земле война? / Где, какое оно — лихолетье?» А цикл рассказов о Сладком острове, самый мирный, семейный, лирический, начинается так: «Никакая литература, никакие очевидцы, даже отец родной, не могли мне дать правильного представления о вой-

Александр Яшин. Ноябрь 1944 года,
Черноморский флот

* Бобришный Угор — место редкой красоты в тайге, высоко на берегу Юг-реки, где А.Яшин построил избушку для работы и где рядом, как он завещал, находится его могила.

не, пока я на ней сам не побывал. **Зато, побывав и в огне, и в ледяной воде, я совершенно по-новому стал читать Льва Толстого. Он лучше всех передает состояние человека на войне».**

Записи в дневнике военного времени, когда Яшин находился в Ораниенбауме под Ленинградом и выпускал моногазету «Залп балтийцев»:

«4 декабря 1941 года. <...> Ветер. Мороз. Залив во льду. Успенский пошел на фронт, полушубок на этом великане кажется детским. В амбулатории взял рецепт на витамин С... Что-то говорят, будто транспорт бомбили, погиб Мишутин. <...> Начал стихотворение “Землянка”. В сводке сообщается: несколько дней назад после ожесточенных боев наши войска оставили Тихвин.

Дочитал “Утро помещика” Л. Толстого. Прочитал рассказ “Набег”. В “Набеге” есть молодой прапорщик. Как я был похож на него! **Как велик Толстой в правде своей и как прост — все самое безыскусственное, лишь пунктуальное следование за истиной человеческих переживаний».**

«5 декабря. <...> Канонада. Скоро залив будет полем боев, и, верно, очень жестоких. Плохо все же писать стихи, когда все время есть хочется. А наверное, это еще только начало тяжестей, которые предстоит нам перенести. Прочитал “Из записок князя Д. Нехлюдова”, “Три смерти”».

«14 декабря 1941 года. Дрова не везут. <...> Мороз, мне сразу стало легче дышать. Прочитал “Холстомера” Л. Толстого».

«15 декабря. Пилил и таскал дрова. Боюсь, что верные <...> толстовские представления о войне, о частях воинских, о людях у меня будут совсем стерты в памяти газетной работой».

Весной 1942 года в ленинградском госпитале тяжело больной, истощенный, временами доходящий до полной душевной растерянности, Александр Яшин как писатель снова обращается к Толстому — как к учителю, воину, пережившему все. Тем более что он всегда ис-

кал живого писателя-учителя и не нашел. Обращается, робея перед ним, как всегда, соблюдая дистанцию и в то же время как к самому близкому и мудрому человеку, непревзойденной для него величине в литературе:

«1 марта 1942 года. Жизнь слабых идет в двойном плане: все непосредственное, трогательно-обнаженное, интимное, все пороки — тщеславие, завистливость, жадность — тщательно скрываются от других и от самого себя. Сильный человек не боится людей и своих пороков, слабый — приукрашивает самого себя и постепенно перестает чувствовать себя, замечать *свое*, ничем не опосредствованное. Для литератора это гибельно, ибо сила литературы в ее умении видеть душу человека в ее первозданности, сила в прямоте, в честном отношении к себе, к другим, к явлениям жизни.

Великий Толстой! Тебе молюсь. Дай мне силу. Мне не хочется покидать Ленинград до прорыва блокады из-за тщеславия, хотя так же жаль и потерять материал...»

В далеком городе Никольске, родине моего отца, расположенном в пятистах километрах на восток от Вологды, наконец-то — после семидесятилетнего перерыва — поставили священника, бывшего корреспондента одной из московских газет. И вскоре он, отец Сергей, на вечере в местной библиотеке начал не просто осуждать, а рьяно ниспровергать имя Александра Яшина, очень чтимого земляками. Думается, что, помимо всего, это было настроение так называемой перестройки, когда было разрешено возрождать запрещенное и на долгие годы отнятое у народа советской властью, когда многие стали низвергать все, что попадалось под руку, — в том числе и многое хорошее. Священник привел слова из дневниковых записей отца, стараясь его уличить: «Великий Толстой! Тебе молюсь. Дай мне силу» — и еще: «Кто же и бог, как не Лев Толстой!» Можно и его понять — обожествлять, делать кумиром не просто кого-нибудь, а отлученного от Церкви са-

мого Льва Толстого! Никольчане, воспитанные, смиренные, как всегда, сидели молча. Я пробовала объяснить, что это символически, условно, образно сказано, как о великом авторитете в художественной литературе, что он, отец Сергей, не знает о том, что Яшин исповедался и причастился перед смертью, что... Потом, разобравшись, отец Сергей, к сожалению покойный уже, познакомившись с жизнью и творчеством Александра Яшина, по-другому стал писать о нем. В местной газете в 1993 году его статья «Доколе есть время...» (слово православного священника) начинается так:

«Спешите делать добро»* — нравственный завет большого русского поэта, нашего замечательно земляка Александра Яшина.

<...> И вот в самое опасное не только для русской культуры, но и для самого народа время, когда и само слово-то “русский” можно было без опаски поставить разве что рядом с “квасом” да с “сувениром”, но уж никак не с “духом” или “культурой”, — в это самое советское время Александр Яшин имел мужество хранить русскую душу и ее нравственную основу.

<...> Но вот известные яшинские слова “спешите делать добро” удивительным образом перекликаются с откровением Священного Писания. В 6-й главе Послания к галатам св. апостол Павел пишет следующее: “Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет в жизнь вечную. Делая добро да не унываем: ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче же своим по вере” (Гал. 6, 7–10).

<...> Александр Яшин свидетельствовал о добре, исповедовал добро и делал добро, пока было время — как русский человек, как поэт, как гражданин своей страны: так веле-

ла его совесть. Вот этим особенно дорог Александр Яшин нам, православным христианам. Святая Церковь усердно молится об упокоении души раба Божиего Александра, ушедшего от нас в вере и надежде воскресения». И подпись: «Священник Сергей Колчеев». А в своем слове после панихиды на Бобришном Угоре отец Сергей словами Пушкина объяснял, почему Яшин завещал себя похоронить на родине и почему мы приходим к нему: «Два чувства дивно близки нам — / В них обретает сердце пищу — / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам».

И когда из Никольска в Дунилово шел крестный ход с чудотворной иконой Божией Матери Дуниловской, все участники проходили лишние пятнадцать километров на Бобришный Угор к Яшину, чтобы отслужить панихиду, так же как и в дни памяти поэта. А панихида — то же общение, молитвенное. Эту традицию продолжают теперь другие священники... И крест на могиле Александра Яшина был обновлен стараниями отца Сергия...

Не раз Яшин бывал в Ясной Поляне — и по пути заезжал, и специально ездил туда. Ходил по всем толстовским тропинкам, старался понять, как из Ясной Поляны Толстой увидел всю Россию. Возил и нас, детей, к Толстому.

В 1965 году Яшин пишет очерк о поездке на родину Есенина «Сны сбываются», в котором говорит о том, что «с первых лет жизни человека природа участвует в формировании его характера, всего строя его души, способствует выявлению его врожденных дарований и склонностей». Вспоминает родину Ломоносова — Холмогоры, «пушкинское Михайловское», «волжскую ширь, которая дала миру много великих русских талантов», и среди всех писателей-прозаиков вспоминает Толстого, его родину: «А эпические былинные дубровы и березняки Ясной Поляны, без которых немислим Лев Толстой!..» Дальше он делает простой вывод: «Посещение родины любимого поэта в какой-то

* «Спешите делать добрые дела!» — так звучит строфа и название стихотворения А.Яшина.

степени заменяет нам личное знакомство с ним. Вы приобретаетесь к истокам его творчества, начинаете больше понимать и чувствовать его поэзию». Яшин пишет о родине поэтов, потому что очерк о поэте, но, конечно, это в равной мере относится и ко всем писателям, тем более что и тут он вспоминает именно Льва Николаевича Толстого.

В дневниках Яшина встречается много выписанных строк из произведений Толстого. Сжатость и точность высказанной мысли, важность ее заставляют Яшина некоторые цитаты из них брать эпиграфами к своим рассказам и повестям, хотя действие происходит в совершенно другую эпоху, при совершенно ином социальном строе и укладе жизни.

Вот эпиграф к повести «Стечение обстоятельств», в которой рассказывается, как одного секретаря райкома переводят из степей Алтая в высокогорный район на смену другого секретаря и как оба эти человека, раньше бывшие друзьями, из-за «стечения обстоятельств» вынуждены изменить своим характерам, принципам, стать в оппозицию друг к другу:

«Кто же это, наконец, казнил, убивал, лишал жизни его — Пьера, со всеми его воспоминаниями, стремлениями, надеждами, мыслями? Кто делал это? И Пьер чувствовал, что это был никто. Это был порядок, склад обстоятельств.

Порядок какой-то убивал его — Пьера, лишал его жизни, всего уничтожал его». Этот эпиграф определяет смысловую основу повести Яшина.

А вот запись о незавершенном автобиографическом рассказе «Лауреат»: «8 сентября 1963 года. Рассказ «Лауреат». Это давно продуманное: о моей поездке в Блудново на «Победу». Сейчас и название есть. Эпиграф из Л. Толстого: «Так вот какие бывают дела и отчего переменяется и направляется жизнь человека». «После бала»».

И снова размышления об этом рассказе, о тщеславии, о правде и лжи в жизни, в искусстве, о под-

линном служении в литературе. И снова обращение к нему, к «самому Льву», ироничное к себе:

«7 января 1965 года. А как писалась вещь? Ходили пешком по родной земле — поэма в рюкзаке, но добавлял в нее на останках совсем не то, что видел, — в Тарноге, например. Жизнь как бы текла мимо меня, хотя считалось, что я собираю материал для новой книги.

Видел же я, как гибло древнее русское искусство (икона-лопата), кружевные промыслы, как сельэлектро разоряло колхозы, строя гидроэлектростанции, которые тут же разваливались... Но вот останавливались в доме колхозника, и я переключался: садился за стол и писал выдуманное — «Я на Кокшеньегреке жил, как в сказочном мирке...» И вдруг, впервые в жизни, задал себе вопрос: что есть искусство? Ну прямо Лев Толстой, да и только...»

В эти годы в нашей семье подрастали дети, у которых, по определению отца, начался переходный возраст. Этот переходный возраст затронул и многих взрослых людей в связи с переходным периодом страны. В дневнике появляется такая запись: «Прочитать «Исповедь» Руссо, «Исповедь» Л. Толстого...» Но когда я купила в букинистическом магазине трехтомник Руссо, отец похвалил меня за любознательность, сказав, что «Исповедь» Руссо — это совсем не то, что он ожидал. Видимо, он ожидал обнаженности души, ее жизни, вопросов духовных, а там на первом месте другое... Но жажда исповеди все время беспокоила Яшину, и вылилась она в его поэзии. Одно из стихотворений поэта так и называется «Перед исповедью»: «Хочется исповедаться, / Выговориться до дна...» Другое — «Исповедь». Тема переходного возраста, неудовлетворенности в понимании жизненно важных вопросов волнующе передана в стихотворении «Переходные вопросы», в котором Яшин ясно говорит, что вопросы духовные он будет решать вне опыта Льва Толстого. Он так и спрашивает в стихотворении «Переходные вопросы»: **«А в чем моя вера? Опора? Основа? Кого для при-**

мера брать? Снова Толстого?» И этот вопрос уже сам по себе есть отрицательный ответ на него же. Яшин и сам понимал, что не за Толстым пойдет он в вопросах веры. Дальше строфа: «С ружьем зачехленным / Без дела до осени / Томлюсь, / Окруженный / Пустыми вопросами».

«С ружьем зачехленным, без дела до осени...» Почему с зачехленным ружьем? Это образ того, что у нас не было свободы слова. Цензура. До осени, как правило, охота запрещена, и он не может использовать своего ружья, возможности такой нет. И писать он открыто о правде не мог.

За три месяца до кончины Яшин, находясь в больнице, расстроен тем, что его условие не снимать преамбулу в его рецензии для «Литгазеты» не исполнили: «Сколько месяцев тянули, а я все-таки должен уступать и сокращать снова». Еще в 1958 году он скорбел и утешал себя тем, что существовавшая в советское время цензура не позволила бы даже Толстому сказать правду: **«Подлинного Служения литературы народу сейчас не вынесли бы. Настоящий писатель, вроде все обнажающего Льва Толстого, был бы бедствием...»** И снова о своем творчестве, своей работе, упущенных возможностях, горечь покаяния о несвершенных делах:

«Жалкую жизнь все-таки я прожил. А ведь мог... Мог!.. Вот что значит отсутствие дисциплины. Первая же настоящая выволочка — и я вышел из строя. А ведь можно было принять за успех, может быть, это и был первый мой настоящий успех.

Молился на Льва Толстого, и только, пожалуй, на него одного всю жизнь, а писал о Кольцове, о Некрасове. Позвонили — и написал. Кто же мог мне позвонить о Толстом, кто доверил бы мне писать об этом великане? Да и сам я не решился бы, недостойн.

Кто же и бог, если не Лев Толстой!»

Конечно, это опять метафора, образ недосыгаемой величины в художественном литературном мастерстве. Яшин, сверяясь с художест-

венным письмом Толстого, писал: «22 июня 1961 года. Описать машину любовно, как лошадь у Вронского». О чем бы ни шла речь в различные эпохи: лошадь, машина, самолет, ракета — а писатель, взявшийся за перо, должен прежде всего с любовью относиться к тому, о чем и как он пишет.

Для Александра Яшина Лев Толстой был не только непревзойденным мастером слова, но и камертоном совести, правды в искусстве.

«Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами своей души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда» — эти знаменитые слова Толстого были для Александра Яшина литературной и жизненной заповедью, он невидимо ставил их эпиграфом перед всем своим творчеством. И если он порой заблуждался, то это случалось от непонимания действительности в тот момент, от своей искренности, «в неведении». Поэтому и в его дневниках много собственных рассуждений на эту тему: «Нет правды и полуправды, правды большой и правды маленькой. Все складывается из маленьких правд. Неправда — тоже правда, раз она существует?...»; «Только бы фальшь не была в чести — / Мертвых не будет фраз. / Только бы правду-матку в пути / Не потерять из глаз» — это строфа из стихотворения А.Яшина «О поэзии».

Идут записи в дневниках последних лет вперемежку: о личной жизни, семейной, общественной, о стройке домика на Бобришном, о мужиках, о секретарях райкома, о природе — и вдруг, как отрешение, цитата читаемой в этот момент книги: «И страстную любовь итальянца Пьер теперь заслужил только тем, что он вызвал в нем лучшие стороны его души и любовался ими. («Война и мир», том 4, часть 4). Так было и у меня с З.К.*».

25 мая 1967 года. Яшин на родине, гостит у сводной сестры Марии Антипьевны в родном краю — де-

* З.К. — Злата Константиновна, жена поэта.

*Строительство дома на Бобришном Угоре. Август 1962 года.
Александр Яшин с женой
Златой Константиновной Яшиной*

ревне Вырыпаево, недалеко от Никольска. И тут он сверяет впечатления от чтения Толстого со своими переживаниями. Вот что он пишет:

«Ветер. Жарко... Собирается гроза. Она ударила в 14 часов — громы и молнии. В 15 часов — ливень. <...>

Читаю Л.Толстого, перечитываю. «Повести и рассказы» в двух томах. В первом томе здесь, в Вырыпаево, прочитал «Казаков». Сегодня — «Разжалованный». А я не разжалованный ли? Снова выслужиться уже не могу, не умею, не хочу. Да и побайваются меня...»

А вот 9 сентября того же, предпоследнего, года жизни. Он только что прилетел на родину:

«До Никольска — 1 час 20 минут. Самолет ЛИ-2. Встретил секретарь РК по идеологии Плотников Андрей Федорович. Шофер Анатолий. Привезли прямо в Блудново*.

* Блудново — деревня, в которой родился Александр Яшин. Находится она в Вологодской области Никольского района.

Дела в районе идут хорошо: уборку зерновых закончили к 15 сентября. Лен на стлищах. С сенокосом не управились, быстро поспела рожь.

Съездили на Бобришный Угор. Обкрадено все. Порван портрет Льва Толстого. Нет инструментов, удочек, лопаты... Много грибов. Испугался обстановки дома, условий жизни».

Первое, что заметил: порван портрет Льва Толстого, остальное «мелочи». Портрет Льва Толстого, которому еще в 1963 году, гуляя вокруг Бобришного Угора, «нашли клюшку и булаву или палицу для Льва Толстого — поставили ему под портретом: у нас репинский и нестеровский портреты». Не палку, а именно «палицу», «булаву» Толстому — как русскому писателю-богатырю, исполину.

Очень страдал отец, когда Толстого коверкали в постановках театра и кино. Экранизация американского фильма «Война и мир» Яшину не понравилась, он говорил, что там нет ощущения русского быта, характеров. Запись в дневнике: «6 июля 1959 года. Сходили на итальяно-американский фильм по Л.Н. Толстому «Война и мир» (1-я серия). Без русской души, сухо, без лиричности». Правда, Наташа Ростова, роль которой исполняла Одри Хепберн, пришлась по душе. Но и после просмотра одной или двух серий советской киноэпопеи «Войны и мира» он по-настоящему страдал. А уже за несколько дней перед тем, как лечь в больницу, из которой он больше не вернулся, Александр Яковлевич ходил вместе с женой в кино: тогда только что вышла новая экранизация «Анны Карениной». И в записной книжке всего одна строчка: «Вчера со Златой смотрели «Анну Каренину». Жуть». Что бы он сказал о современных театральных еретических трактовках классики?..

В некоторых своих произведениях Яшин сравнивает переживания героев Толстого XIX века с переживаниями своих героев XX века,

когда отменены были сословия, титулы, но не отменены лучшие и худшие качества человеческих душ. В рассказе «Первое путешествие Маринки», написанном в 1961 году, через героев «Войны и мира» показан мир романтической девушки, плывущей на пароходе по Волге и чуть не пострадавшей от своей восторженности и доверчивости. С самого начала автор знакомит читателя со своей героиней, наделяя ее **своей** любовью к толстовской Наташе Ростовой:

«Шестнадцатилетняя девочка стояла на верхней палубе у самых перил, все видела, всему по-детски радовалась.

«Я сейчас, наверно, очень похожа на Наташу Ростову, — думала она о себе. Недавно прочитав **впервые** в жизни “Войну и мир”, она не знала более обаятельного героя, чем Наташа. — Красивая музыка и этот удивительно праздничный день вливаются в мою душу волнами, значит, у меня настоящая поэтическая душа — большая, благородная и восторженная. Как хорошо, что я похожа на Наташу Ростову!»

Словами «...прочитав **впервые** в жизни “Войну и мир” Яшин подчеркивает, что роман этот надо читать не единожды, перечитывать. Ошибки его героини из-за юношеской очарованности предупреждаются автором ошибкой Наташи Ростовой, принявшей мимолетный роман с Анатолом Курагиным за подлинное чувство. Благодаря Толстому Яшин передает это нетерпеливое состояние юной, неопытной души, жаждащей видеть вокруг себя рыцарей и за неимением таковых старающейся облагородить низменных, непорядочных, малоинтересных людей. Это фактически тоже урок литературы, перенесенный из школьного класса в жизнь.

«Марина начинала воображать, что перед нею какие-то герои из “Войны и мира” и сама она тоже героиня, и стала подгонять живых, сидящих перед нею людей, под литературных героев, понравившихся ей на всю жизнь. <...>

«Ну я — это, конечно, Наташа Ростова, — думает Марина. — А это,

конечно, моя мама. Она нисколько не хуже никакой графини. И графине Ростовой она ни в чем, конечно, не уступит, она даже моложе ее на много-много лет и, помимо, красивее. Мама ей двадцать пять очков вперед даст. А что графиня была добрая, так трудно ли графине быть доброй? Попробовала бы она на мамином месте раздавать направо и налево свою доброту. Что бы ей тогда на пропитание осталось. Мама работает с утра до вечера, да бабушка работает и пенсию получает, да двое дядей работают, и все равно... а, да что тут говорить! Моя мама в тысячу раз добрее графини Ростовой. Хотя я, конечно, не против графини. И насчет правдивости и честности моя мама не уступит никакой графине. И благородства этого аристократического в ней хоть отбавляй! А если бы этих графинь на наше место...

Теперь вот этот Виталий Борисович в черном костюме, артист с бабочкой, — кто он? Князь Болконский или кто? Князь? — хм... Как звучит — князь...” Представив себе Виталия Борисовича князем, Марина чуть не расхохоталась вслух. А этот длинноногий Виктор Захарович, которого она при первой встрече видела в шляпе из рисовой соломы, представитель разговорного литературного жанра, вскакивающий с места при появлении женщин, — этот, конечно, из высшего света. Кто же он? На какой новой общественной лестнице он стоит? Князь он или граф? Простой служащий? А с кем можно сравнить интеллигентного Вениамина Александровича с его аккуратной модной бородкой — с каким деятелем, с каким полководцем? А кто из них Пьер, кто Анатолий Курагин? Ведь наверно же есть среди них и Анатолий Курагин?..»

Конечно, это **свое** отношение к героям «Войны и мира» отдает Яшин героине своего рассказа. И конечно, это он подгонял живых людей «под тех литературных героев, понравившихся ей на всю жизнь». Этому подтверждение и последнее письмо Яшина В.И. Белову, уже из больницы: «И еще одно

(пока по секрету!): не забудь про место под березой, которое я тебе показывал на Бобришном Угоре. <...> Просто лучше сказать об этом заранее, что я и делаю, а так я совершенно спокоен. Вспомни, как умирали толстовские мужики, дай бог всякому такое самообладание. Кстати, когда я ставил избу на Бобришном Угоре, я уже имел это в виду, с самого начала: только туда!» Вот какова сила созданного Толстым обобщенного образа русского человека всех сословий и рангов.

В библиотеке отца было несколько книг, посвященных жизни и творчеству Л.Толстого. Две особенно ветхие, пожелтевшие из-за плохой бумаги. Одна — В.Г. Черткова «Уход Толстого», издательство «Голос Толстого», 1922 год. Наверху надпись: «Комитет имени Л.Н. Толстого по оказанию помощи голодающим». И вторая книга: «Толстой» — памятники творчества и жизни, выпуск 4-й, редакция Срезневского, «Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого. Москва, 1923 год».

Много строк подчеркнуто Яшиным. В конце стоят даты прочтения книг: 12, 21 июня 1944 года и вторая — 18 июля 1955 года.

Особенно часто подчеркивания встречаются в воспоминаниях Александры Львовны Толстой и Черткова — все, что касается последних дней и минут жизни Толстого, строчки его дневников. Вот некоторые фрагменты, подчеркнутые Яшиным: «Если бы у человека не было страданий, плохо бы ему было. <...> Я понимаю, что человеку может сделаться грустно и страшно, когда долго его не посещают страдания. Нет движения, роста жизни... приходится жить тем, чем я считаю, что может и должен жить человек: только сознанием исполнения воли Пославшего. И вот я вижу, что я еще далеко не готов для этого и только, только учусь. И жизнь учит меня. И я должен радоваться и радуюсь»; «Если бы только помнить о своем посланничестве, о том, что через тебя должно проявляться (светить) Божество!»

Далее подчеркивания: «Читал Иоанна послание. Удивительно»; «Да, одно утешенье, одно спасенье: жить в вечности, а не во времени»; «А душевный хлороформ есть и давно известен, все тот же — любовь»; «Крест, посланный нам, это то, над чем нам надо работать. Вся жизнь наша работа — эта работа». В книге «Уход Толстого» много и других подчеркиваний. Все они сделаны Яшиным в 1944 году.

В другой книге подчеркивания в основном относятся к воспоминаниям А.Толстой «Об уходе и смерти Л.Н. Толстого» — все о последних днях его жизни. Как и мы, когда уходит близкий нам человек, все припоминаем именно поминутно, пословно, последние часы его жизни. Подчеркнуто: ««Истина... Я люблю много... Как они»». Это были его последние слова». Может, за эту любовь ему и простится многое. Сказано же: а кто много возлюбил — тому много прощается.

Только познакомившись с этими и другими книгами, понимаешь, какая драма был этот уход и для Толстого, и для семьи, как трудно все это было пережить. А кажется, что особенного? Ушел из дома, уехал человек. Какая душевная драма разыгралась!.. Но ведь направился он не куда-нибудь, а в Оптину, а сказано, что «Господь и намерение целует».

Тема «Ухода Льва Толстого» особенно волнует Яшина и несколько раз встречается в его дневниках, особенно в последние годы жизни. **И он в своей жизни совершил уход, который сам назвал возвращением.** Это явилось естественным исходом его переживаний, исканий, своей мудрости, своего прозрения. Еще в 1959 году он записывает:

«Человек, привыкший в течение многих лет искать радости на стороне, вдруг сознательно, не от бессилия, не от немощи возраста, отказывается от этих утех и возвращается навсегда и безвозвратно к своей первой любви, к своей жене, к своей семье.

Уход Льва Толстого — подвиг, конечно. Но подвиг и возвращение. Это — очищение и путь к наиболь-

шей сосредоточенности в творческом труде своем».

В небольшой книжке, путеводителе по музею атеизма и религии, располагавшемуся раньше в Казанском соборе Ленинграда, я увидела страшную картинку «Лев Толстой в аду». Фрагмент стеной росписи из церкви села Тазова Курской губернии 1883 года. Изображено адское пламя, из которого, как всплески, руки горящих там людей. Справа сатана с рожками, по пояс в огне. Рукой он прижал к себе Льва Толстого, а рядом около их огненного ложа стоит группа сочувствующих писателю людей, стоящих вне огня. Тут и молящийся пресвитер, и цари, и светские во фраках, и монахи, монахини... Ведь сестра Толстого, Мария Николаевна, была монахиней. Все они обращены ко Льву Толстому, как бы говоря: «Говорили же тебе!..» Конечно, то, что он ушел от Церкви... Но может, не смог до конца понести свой крест такой сложной душевной устроенности, такого невероятно большого дара, таланта — и ангел отпал... Но может, на время. Ведь и священники говорят, что произведения Льва Толстого в большинстве своем христианские по сути. И что своими сочинениями лучшие писатели строят души человеческие... А в его произведениях — удивительно! — учтена и твоя жизнь. И герои его романов, рассказов живут с нами, как живые, мы часто сверяем свое состояние, поступки с их состоянием, поступками, как это делал Александр Яшин.

У Яшина на письменном столе стоял небольшой, в рамочке портрет Льва Толстого, сидящего в кресле, а под стеклом на этом столе лежала цветная открытка — репродукция с картины Яна Стыки. Портрет Толстого работы этого художника я видела в Литературном музее Ясной Поляны. А на этой картине изображены двое: Христос и Толстой. Толстой в своей толстовке, в сапогах, усталый, согбенный, еле добрал до Христа. На лице его мука переживаний, душевной смуты, во всем облике тяжесть груза страда-

ний. Он уже добрал, дошел до Спасителя, оперся на Него, а Христос, положив ему Свои руки на плечи, наклонился, подавшись вперед. На голове терновый венец, и Он, Иисус Христос, целует с любовью и прощением припавшего к Нему Льва, беря тяжесть его страданий на Себя. Он, как Отец, вышел встретить Своего блудного сына, вернувшегося к Нему. Встреча происходит не на земле, потому что ноги их окутаны облаком. И все это на фоне нежно-голубого неба. Удивительно искренняя картина, с глубоким пониманием происходящего, с любовью, передающая состояние и Отца, и сына.

Вот как рисует это изображение Яшин в рассказе «Открывать здесь!», описывая тягостное состояние главного героя — журналиста, у которого бывают времена, когда ему не работается, не пишется! «Под толстым стеклом на зеленом сукне видна милая и понятная его сердцу открытка — репродукция с картины Яна Стыки: вконец измученный могучий русский старец в длинной белой рубахе, в простых сапогах

Репродукция картины художника Яна Стыки «Толстой, обнимающий Христа»

припадает к плечу Христа: «Помоги!..» Так же, думается, Александр Яшин обращался не к Толстому, а ко Христу: «Помоги!» А рядом с этой открыткой лежал небольшой листок мелованной бумаги, на котором его рукой были написаны слова молитвы: «Молитва утренняя. Господи, помоги мне написать еще одно стихотворение!»

Отец во время прогулок наших рассказывал мне, как Лев Толстой так привык держать в руке перо, так много писать, работать, что и при смерти сложил вместе три пальца правой руки, словно держал в них ручку. Папа показал как: средний, указательный и большой. Уже после его смерти, когда стала постепенно воцерковляться, я вспомнила этот рассказ. И вдруг ясно стало, поняла: конечно, так держат ручку, Толстой привык все время сидеть за столом, работать. Но, может быть, это было крестное знамение?! И кто знает, может, это и было его покаяние, которое невидимо никому было принято Христом?! Ведь Толстой звал старца, но к нему не пустили отца Варсонофия. Если разбойник покаялся в последний момент, то, может, и здесь что-то произошло... Тайна.

А бывает, что автор чуть ли не праведник, а сочинения его не на пользу людям, убивают бездарностью, нелюбовью — и нарастает наказание литератору уже там, за пределами земной жизни, из века в век. Такой, может, и описан в басне Крылова «Сочинитель и разбойник»? А здесь, сколько бы ни прошло времени, — счастье красоты и правды художественных творений Толстого непреходящи. И проходившая два года назад в центре Москвы позорная, так называемая выставка, «Биеннале», показала не Льва Толстого, а, благодаря ему, всю низость, пустоту, озлобленность и нарушение психики явно бесовского происхождения авторов и устроителей выставки, ни от чего не отлученных. Значит, Толстой большинством своих художественных произведений стольким поколениям несет такой

свет, что никакая тьма, которую он так раздражает, не может справиться с ним. И читают, и любят именно художественные произведения Льва Толстого. Все-таки, хочется верить, зачтется...

После смерти Толстого, кроме резких, были и иные, щадящие, отзывы в печати лиц духовной жизни. Вот что писал в «Русском Паломнике» замечательный церковный писатель, новомученик Евгений Поселянин: «Теперь в этом Шамордине страдает одна женская глубокая душа. Она любила брата, инокиня Мария, в миру Мария Николаевна Толстая. Она знала, как сильны были его религиозные чувства. И как отрицать их, когда в его произведениях написано столько вдохновенных страниц из церковно-православной жизни русского сердца? Я сам слышал от нее, как графа Толстого и в годы его отрицания влекло к Церкви, как его можно было видеть потихоньку зашедшим к богослужению в московских церквях и простаивавшим службу, притаившись, до конца. И как противоречит этому богоборству это примирительное паломничество в Оптину! Но насилие над его душой окружающих не дало ему вернуться в Церковь! Будем верить, что между душой старца, осыпанной столь великими милостями Божиими, и его Богом в последние часы догорающей жизни, неведомо ни для кого, произошла великая тайна — что Бог, сторожащий душу человека и до последнего мгновения борющийся за ее спасение, призвал к себе эту скорбную мятущуюся душу, что радостно она прильнула к ногам Христовым и в том обрела себе покой и спасение»...

Назвала меня мама в честь Наташи Ростовской — любимой своей героини. И папа одобрил. Но крестили-то потом меня в честь мученицы Наталии. Все меняется. Наше отношение к вещам, событиям, понимание сути всего.

Сказано, что иное дело суд человеческий, а иное — божеский. И что милость выше суда.